

ТО, ЧТО Я ПРЯЧУ

Катя Райт

Катя Райт

То, что я прячу

«Издательские решения»

Райт К.

То, что я прячу / К. Райт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832187-0

Джеффри Шеридан — подросток, который приезжает в Сиэтл со своим отцом. Джеффри груб и жесток, поэтому очень быстро школьный психолог записывает его в трудные подростки. Но что стоит за подростковой жестокостью? Откуда растут ее корни? Это история непростых отношений отца и сына, история преодоления страхов, история «заточения» и освобождения.

ISBN 978-5-44-832187-0

© Райт К.

© Издательские решения

Содержание

1. Знакомство с семьей	6
2. Почему бы нам не подружиться	9
3. Новенький	12
4. Первый день	14
5. Я опять влип	17
6. Папа расстроен	20
7. Нам просто нравится секс	22
8. Блог Эшли Мэйси	24
9. Трудные подростки	25
10. Стандартная процедура	29
11. Во вселенной не должно быть боли	32
12. Все одинаковые	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

То, что я прячу

Катя Райт

Стокгольмский синдром – термин популярной психологии, описывающий защитно-подсознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения, применения (или угрозы применения) насилия. Под воздействием сильного шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия, и в конечном счете отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения «общей» цели.

Исследователи полагают, что стокгольмский синдром является не психологическим парадоксом, не расстройством (или синдромом), а, скорее, нормальной реакцией человека на сильно травмирующее психику событие. Так, стокгольмский синдром не включен ни в одну международную систему классификации психиатрических заболеваний.

© Катя Райт, 2017

© Катя Райт, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-2187-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Знакомство с семьей

Мы переехали в Сиэтл, когда мне исполнилось шестнадцать. Мы как раз закончили распаковывать коробки в мой день рождения, так что, как вы понимаете, никто не пришел. Все мои друзья остались во Флориде. Хотя у меня никогда не было особенно много друзей. Я не очень люблю раскрывать перед кем-то душу, да и впускать кого-то в свою жизнь я тоже не горю желанием. У меня и так все хорошо. Мне и одному неплохо.

Сиэтл город ничего себе. Меня он не раздражает, но ехать на другой конец страны только лишь из-за того, что моему отцу втемяшилось в голову жениться второй раз, мне кажется, глупо. И почему, интересно, эта мисс Бутман со своей дочерью не могла приехать к нам! Пола (так я называю свою мачеху) каждый раз твердила мне по телефону, что ее дочь Лиза всего на год младше меня, и мы обязательно подружимся. Ну конечно! Еще чего не хватало!

И вот, наконец, мы приезжаем. Честно говоря, этот долбанный перелет так меня вымотал, что я бы просто принял душ и завалился спать. Но тут же запланировано знакомство с новой семьей. Как же теперь улизнешь! Пола и Лиза такие нарядные, улыбаются.

Кстати, Пола ничего. Да, папа не прогадал с выбором – очень сексуальная. Она не слишком высокая, чуть ниже отца, с длинными светлыми волосами. У нее, пожалуй, слишком много косметики на лице. С первого взгляда она кажется красивой, но если приглядеться, то можно заметить, и круги под глазами, и не очень хорошую кожу, и плохо окрашенные корни волос, и усталость во взгляде. Одним словом, при ближайшем рассмотрении моя новая мама выглядит довольно потаскано. Впрочем, папе именно такие нравятся. Все телки, которых он приводил домой, сколько помню, всегда были какими-то шлюхами. И мне не очень понятно, зачем было переться за тридевять земель еще к одной. Хотя, надо признать, дом у них, конечно, крутой. Мы тоже неплохо жили в Майами, но у Пола просто огромный дом. И что они тут вдвоем с дочерью так долго делали!

Муж Пола умер несколько лет назад. Она говорила, когда именно это случилось, но мне что-то не очень хочется выслушивать всю эту ерунду. Ну, умер и умер – мне-то какая разница. Хотя, был бы жив, нам с отцом не пришлось бы тащиться в этот Сиэтл.

После солнечных пляжей Флориды, на которых я проводил все свободное время, клея девчонок и прогуливая школу, здесь как-то совсем уныло. Все бледные как покойники, на небе – сплошные облака, и постоянно моросит этот надоедливый дождь. Да, с такой погодой недолго осталось моему загару. Да и вообще, я со своими южными замашками тут довольно нелепо выгляжу. Они все даже говорят как-то по-другому. Нет, ну на кой черт моему отцу надо было тащиться в такую даль из-за очередной женщины! «Знаешь, сын, пора бы нам уже снова обзавестись полноценной семьей, – сказал он. – Надо как-то вливаться в общество. Да и тебе это пойдет на пользу». Да, папа всегда заботится о том, чтобы во всем для меня была какая-то польза. Но уж в переезде в этот гребанный Сиэтл я точно ничего хорошего не вижу.

В Майами все было круто. Там сплошные тусовки и вечеринки. И совершенно не обязательно для этого иметь много друзей. Главное – быть наглым и развязанным. Главное – быть круче всех. А тут... Тут все какие-то как будто вареные. Чем они вообще занимаются? В общем, мне тут не нравится. Да еще лето в самом разгаре, лежать бы и лежать под солнцем родной Флориды. Так нет же, папе непременно понадобилось переезжать. А мне потом еще привыкать к этим бледным детишкам в новой школе, вливаться в коллектив. Хотя, конечно, плевать я хотел на всякие там коллективы.

– Привет, Джеффри! – говорит Пола, откидывая волосы со лба. – Рада тебя видеть!

– Привет. – бурчу. – А я что-то пока не очень рад.

И тут же отец отвешивает мне подзатыльник.

– Ай! Больно!

– Побольше уважения! – строго говорит он.

– Да, Пола, – растягивая улыбку, поправляюсь я, – мне очень приятно наконец быть в вашем доме.

Она смеется. Я рассматриваю ее напудренное лицо. Нет, Пола все-таки ничего. То есть, если бы выдалась возможность, я бы ее трахнул. Ну, не будь она, конечно, новой женой моего отца. Хотя нет, она, пожалуй, все-таки старовата.

Лиза, моя новая сводная сестра, вообще, какая-то странная. Волосы светлые, глазища огромные, голубые, и постоянная улыбка на лице. Я даже думаю, уж не сумасшедшая ли она. Такая странная, как будто очень рада нас видеть. Как будто всю жизнь только и ждала, пока ее мамаша решит выйти замуж за моего отца, а тот притащит своего сына.

Лиза одета в легкое платье до колен и синие туфли в тон. В волосы у нее заплетена лента. Хотя она, вроде, тоже ничего, но вот ее бы я никогда не трахнул. Она симпатичная и все такое, но какая-то странная. Как будто очень умная. Да, как будто она столько всего знает, как будто столько всего повидала. На самом деле, сразу видно, что она еще девственница. Ну так ей ведь пятнадцать. Не знаю, может, у них тут в Сиэтле все с опозданием, в Майами девчонки в пятнадцать лет уже достаточно знают о сексе, чтобы без лишних слов прыгать к тебе в машину. Я там учился в довольно престижной школе, и то у пятнадцатилетних на уме был один секс. Может, конечно, это только Лиза такая. Может, не стоит по ней судить весь Сиэтл. Но эта моя сводная сестра, в самом деле, ненормальная. Сразу так крепко меня обнимает и целует в щеку. Ну, обалдеть просто! Как будто я ее самый настоящий брат. И потом еще Пола так ласково и участливо говорит:

– Теперь, Лиза, у тебя есть старший брат. А ты, Джеффри, теперь должен заботиться о своей сестре и защищать ее.

Ага, сейчас прям, думаю, разбежался! И что теперь все будут называть меня Джеффри? Вот облом. Дома меня звали Джефф, и это мне, признаюсь, нравилось. А теперь не дай бог пристанет это «Джеффри».

– Ну да, непременно, – отвечаю. – Можно уже посмотреть мою комнату?

– Конечно! – улыбается Пола. – Лиза, проводи Джеффри. А потом мы устроим вам двоим экскурсию по дому и саду.

Вот еще одна радость! Спасибо, блин. Сада не хватало только! Надеюсь, папе эта идея с дурацкой экскурсией не нравится так же сильно, как и мне, а то он ведь заставит меня идти с ним. И опять это «Джеффри»! Вот привязалось!

– Угу, супер, – киваю я.

Моя комната рядом с комнатой Лизы. Тут полно коробок. Мы отправили вещи раньше и предусмотрительно подписали все коробки, чтобы грузчики сразу распределили их по комнатам. Мне еще разбирать это все, распаковывать! Ненавижу переезды! Нам раньше приходилось переезжать три раза. Мне это все жутко не нравится. Может, поэтому у меня и нет друзей. Ну, потому что мы так часто переезжаем.

– Хочешь, я помогу тебе разобрать вещи? – спрашивает Лиза.

– Нет, спасибо, – отвечаю. – Я как-нибудь сам справлюсь.

– А чем ты любишь заниматься? – радостно продолжает она, присаживаясь на диван.

«Сексом», – хочется ответить мне, но я просто кривлю рот ижимаю плечами, как бы не зная, что сказать.

– Ну, у тебя есть какое-нибудь хобби, Джеффри?

Вот пристала, думаю. И не собирается, похоже, уходить. Мне что теперь с ней целыми днями болтать! Да, не повезло мне со сводной сестрой, похоже.

– Слушай, может, ты свалишь уже? – спрашиваю. – Я типа устал с дороги и все такое. Она виновато опускает глаза, извиняется и уходит.

Надеюсь, папа не поставит мне задачу сблизиться с новой семьей. Потому что я как-то не особенно хочу тратить на это время. Пусть отец трахает эту Полу сколько хочет, но мне такая улыбчивая и добренькая сестренка совершенно не нужна.

Я же когда представлял себе эту Лизу, думал, может, она сексуальная будет. Я даже фантазировал, как круто было бы зажечь со сводной сестрой. Мы же на самом деле не родственники, ну, то есть, по крови. Я надеялся, что у нее тут своя тусовка и все такое. Думал, будем курить вместе на крыльце. Но она, наверное, даже сигарету ни разу в руках не держала. Да она и не целовалась ни с кем – куда уж там зажигать! Да, не повезло мне, это точно. Придется ждать начала учебного года. Может, в школе кто-то нормальный попадется.

2. Почему бы нам не подружиться

Весь остаток лета я провожу дома. Заняться мне абсолютно нечем. Лиза ужасно скучная. Она, похоже, просто кайфует от учебы, от книжек и от прочей подобной дребедени. Да она, кажется, от всего кайфует. Говорю же, странная. Может, это из-за ее болезни? Не знаю, она чем-то больна, но я не особенно вникаю. Иногда, вроде как, все серьезно, и Пола даже суется, они едут в больницу и все такое. Но большую часть времени все нормально. Так что, не знаю, что там с моей сводной сестрой. Да мне как-то и не особенно хочется запариваться. Я однажды спросил у папы, но он только отмахнулся. То есть, ему самому как-то тоже не прикольно рыться в болячках Лизы.

Нет, против книжек я ничего не имею. Я и сам люблю почитать. Только мне нравится нормальная литература, шпионские или военные детективы, чтобы обязательно море крови и жестоких сцен. А Лиза читает всякую фигню, вроде «Унесенные ветром», «Гордость и предубеждение», – в общем, романтическую чушь про любовь и прочую ерунду. И что только все находят в этих романах! Я попытался почитать про Скарлетт, там же, вроде как, тоже война. Но меня не впечатлило. Сопливо как-то.

Когда я читаю свои книги, я всегда представляю себя каким-нибудь героем, шпионом или военным разведчиком. Я представляю, что вокруг враги, и мне надо прожить еще один день, чтобы меня не разоблачили. Как будто мне все время надо притворяться не тем, кто я на самом деле, все время надо быть начеку. И еще я люблю рисовать иллюстрации к сюжетам, которые читаю. Но это все несерьезно, и папа ужасно злится, когда застает меня за рисованием. Он говорит, что это не мужское занятие и, вообще, бесполезная трата времени. Он называет мои рисунки мазней, хотя рисую я карандашом. Наверное, он прав. Наверное, у меня, правда, выходит просто отвратительно. Поэтому он каждый раз громко смеется над моими набросками. В общем, я стараюсь, чтобы он не находил их. Я рисую и прячу все под матрасом или под нижней полкой в шкафу. Пусть это и полное дерьмо, но так, для развлечения, я храню их.

Однажды Пола застает меня с сигаретой. Я обычно курю на заднем крыльце и стараюсь, чтобы никто не видел.

– Ты что куришь, Джеффри? – удивленно восклицает она.

И что же никак не запомнит, что меня надо называть Джефф! Ну, я же сто раз ей говорил! Ей, видите ли, это сокращение кажется грубым. Она считает, что мне это совершенно не идет. Зато звучит нормально. Да и вообще, не ей решать, что мне идет, а что нет. Папа, например, со мной согласен. Он с самого детства, сколько себя помню, всегда называл меня только Джефф. Он говорит, что это звучит как-то по-мужски, а Джеффри – это для сопливых маменькиных сынков. Ну и что же эта Пола еще упирается!

– Папа мне разрешает, – отвечаю.

– Неужели?! Я поговорю с ним.

Поговори-поговори, думаю. Тоже мне воспитатель!

Я только недовольно пожимаю плечами на ее строгие интонации.

– Я не хотела бы, чтобы в этом доме курили, – говорит она.

– Папа же курит, – передергиваю.

– Твой папа уже взрослый. А ты пока ребенок.

Ой, да иди ты уже, думаю. Я ничего не отвечаю, отворачиваюсь от нее, спокойно докуриваю и выбрасываю сигарету.

После ужина Пола поднимает эту тему, но папа, кажется, плевать хотел на ее слова. Ха, я же говорил, что он мне разрешает. Он считает, что ничего нет плохого в том, что мужчина

курит или выпивает иногда, так что Пола с ее нравоучениями в пролете. Тоже мне мамаша нашлась!

Лиза все пытается со мной подружиться. То в комнату заглянет, то начнет какие-то глупые вопросы задавать, дискуссии разводить. И она еще такая умная, что просто воротит. Просто тошнит, когда она опять свои телеги задвигает.

Застала как-то меня с книжкой и давай мозг выносить, что мне нравится, да почему, да как, да кто мой любимый герой.

– Микки Маус, – отвечаю.

– В смысле? – не понимает она.

– В прямом.

– Я просто подумала, почему бы нам не подружиться, – немного обижено говорит Лиза. – Мы ведь в одну школу будем ходить...

– Слава богу, не в один класс! – перебиваю я.

– Что уж со мной и поговорить не о чем?

– Ну, давай поговорим.

Как же она меня достает! Вроде, всего на год младше, а как будто ребенок маленький! Но это только пока вопросы задает. Как только начинается разговор, до нее всем далеко. Я постоянно удивляюсь, откуда в ее голове столько глупостей, столько всей этой фигни о боге, любви, вселенной! И главное, она так говорит, как будто наверняка знает. Вот и сейчас.

– О чем ты хочешь поговорить? – спрашиваю я таким тоном, чтобы Лиза поскорее свалила. – О чем? Опять об этой твоей вселенной? О том, что мир удивительно прекрасен?

– А почему ты так не любишь об этом говорить? – как будто не замечая моих издевательских интонаций, удивляется она.

– Да потому что это чушь! Где ты этого дерьма только начиталась!

– Не обязательно быть таким грубым, Джеффри...

– Сколько раз повторять, называйте меня Джефф!

– Хорошо, извини, – послушно отвечает Лиза. – Просто Джефф тебе совсем не идет.

– Ну, это уж не твое дело!

– Да что ты все время огрызаешься? Как будто я хочу тебя обидеть или что-то такое!

– А что ты все время заводишь эти свои бестолковые разговоры?

– Они не бестолковые!

– Да что ты?!

– Да!

– Ну и вали тогда к кому-нибудь, кто с тобой согласен! Тебе бы в сумасшедшем доме рассказывать всю эту хрень!

Она замолкает и склоняет голову на бок, как бы разглядывая меня. Как будто я какой-то редкий зверь или, вообще, инопланетянин.

– Тебе проще думать, что все вокруг хотят воевать с тобой? – не унимается она. – Почему?

– Черт! – у меня даже слов не хватает, чтобы с ней спорить. – Опять ты завела эту песню! Да ничего я не думаю! Мне, вообще, насрать на то, что творится вокруг!

Любая другая девчонка давно бы обиделась и не стала больше со мной разговаривать, но не Лиза. Она как будто и не слышит, как я с ней говорю. Вот интересно, она на самом деле такая добрая или просто глупая до невозможности. Мне и правда кажется иногда, что она умственно отсталая – так искренне всем восхищается. Но потом как загонит какую-нибудь тему про вселенную, звезды, бога и прочее, так кажется просто академиком наук.

– Покажи, что там у тебя? – она указывает на папку, в которой я спрятал очередной свой рисунок, едва моя сводная сестренка зашла в комнату.

- Ничего!
- Что жалко?
- Жалко! Отвали!
- Ты же рисуешь? Покажи!
- Отстань!
- Ну, хватит упираться! Что ты как ребенок!

Она еще меня ребенком называет! Тоже мне взрослая нашлась! Ничего про жизнь-то не знает! Не целовалась даже ни с кем ни разу! Что ты, умная!

- Слушай, Лиза, – говорю я уже сквозь зубы. – Ты меня бесишь. Уйди!
- Почему ты такой злой, Джеффри? Извини, Джефф.
- Потому что ты достала меня!
- Я просто хотела посмотреть рисунок, – обиженно надувая губы, произносит она.
- Я не хочу тебе ничего показывать! Это вообще не твое дело!
- Ну и пожалуйста!

С этими словами она выходит из моей комнаты. Слава богу, я думал, никогда от нее не отделаюсь.

И так всегда. То она привязалась ко мне с тем, что я левша; то с тем, что я никуда не выхожу из дома; то пристала, чтобы мы вместе сходили как-нибудь в парк; то все звала посмотреть на звезды. Нет, ну что ей от меня надо! Ей что, поговорить не с кем! Хотя друзей у нее, в самом деле, мало. Заходит иногда какая-то, вроде, подружка. Так у меня-то вообще никого – я же не кидаюсь на нее с объятиями. Все-таки, мне кажется, у нее не все дома.

3. Новенький

Наконец начинаются занятия в школе.

– Ребята, у вас в классе новенький, – говорит учительница английского мисс Токсон, в то время как я стою у доски перед всеми. – Его зовут Джефффри Шеридан. Он переехал к нам из Флориды.

Пока иду на свободное место, я рассматриваю своих новых одноклассников. Вот этот парень, в рубашке с закатанными рукавами и типа с модной прической, тут явно главный. Или, по крайней мере, хочет таковым казаться. У него наглая усмешка и тупое выражение лица. Да, в плане учебы он, наверное, полный ноль, но зато с девочками у него, похоже, проблем нет. Он не сводит с меня глаз, видимо, прикидывает, насколько я опасен для его авторитета. Он так оценивающе обводит меня взглядом с ног до головы, что я чувствую себя какой-то шлюхой на улице, которой готовятся назначить цену. Ну, ублюдок, если еще раз так на меня посмотришь, я тебя по стенке размажу, потому что на вид ты не такой уж здоровый.

– Как там во Флориде, Джефффри? – спрашивает он и усмехается.

– Жарко, – бросаю я в ответ.

– У нас тоже бывает жарко, – хохочет он.

Это Брэд, Брэд Кингсли.

Я иду дальше. Свободное место, как всегда, самое последнее.

Над этим парнем в стрелном галстуке и интеллигентных очках, должно быть, все издеваются. Потому что вид у него уж больно забитый. Волосы аккуратно причесаны, руки на парте. Он худощавый и высокий. Я знаю таких, их сразу видно. Такие в каждом классе есть – мальчик для битья. Он смотрит на меня и, похоже, думает, неплохо было бы со мной подружиться. Но это вряд ли, чувак. Когда я прохожу мимо него, он натянуто улыбается. Ну и смешная у него рожа в этот момент! Я прямо не могу сдержать усмешки.

Это Лукас, Лукас Бэнкс.

Я сажусь прямо за одной девчонкой. Она очень сексуальная. Думаю, она в классе самая крутая. Думаю, Брэд с ней трахается. Но, конечно, скорее всего, не он один. Юбка у нее такая короткая, что когда она сидит, видно, где заканчиваются чулки. Еще чуть-чуть – и можно будет разглядеть трусики. А у нее красивые ноги, думаю я, и поднимаю глаза выше. Грудь тоже ничего, и обтягивающий топ с глубоким вырезом это подчеркивает. У нее длинные светлые волосы, губы ярко накрашены. Она смотрит на меня, одобрительно кивает, а потом посылает мне воздушный поцелуй. Возможно, она положила на меня глаз. Но, возможно, все просто потому, что я новенький.

– А ты ничего, – замечает она как бы между прочим.

– Ты тоже, – отвечаю я в той же манере.

Это Эшли, Эшли Мэйси.

Я сижу за последней партой. Слева от меня – чернокожий парень среднего роста, довольно здоровый, накаченный, коротко стриженный. Он в майке без рукавов. На шее болтается какая-то эмблема. Он держится очень уверенно и, кажется, никого не боится. Думаю, ему вообще на все наплевать. Он показывает мне оттопыренный большой палец.

– Классная футболка, чувак, – говорит он, расплываясь в улыбке.

Я кривлю рот и киваю.

Это Таррел, Таррел Рино.

Что-то он уж слишком широко мне улыбается, думаю. Я не то чтобы расист, нет. Мне, по большому счету, все равно. Вот мой отец, он негров просто за людей не держит. Однажды папа увидел, что я шатаюсь по пляжу с черными, так мне потом влетело по первое число. Сначала была долгая и нудная, хотя весьма эмоциональная лекция о том, что дружба с цвет-

ными до добра не доведет. Потом, помню, папа долго на меня орал. Даже ударил, когда я попытался что-то возразить, но не сильно. Ну, и стандартная процедура воспитания. Как всегда. В общем, с тех пор я стараюсь не связываться с неграми.

Впереди справа сидит девчонка с пирсингом в брови. У нее длинные волосы, крашеные в черный. На ней рваные джинсы, футболка и еще какая-то кофта. В общем, одета она так, что не поймешь: то ли рок-звезда, то ли просто бомж. На пальцах – куча колец, на запястьях – браслеты. Она поворачивается в мою сторону. Ух, у нее еще и нижняя губа проколота, и нос!

– Чего уставился? – огрызается она.

– Да так, – я пожимаю плечами.

Это Кенди, Кенди Рузвельт.

Все время, пока я рассматриваю своих новых одноклассников, мисс Токсон что-то говорит.

– Джеффри! – вдруг до меня доносится ее голос. – Джеффри, ты меня слышишь?

– Э-э-э... Да.

Я как будто провалился в сон. На самом деле, я просто был так увлечен, разглядывая окружающих, что совершенно забыл про учителя. Как будто она вообще важна! Приходит, ведет урок и уходит, а с этими ребятами мне существовать еще года два. Ну да, если папе опять не приспичит податься на другой конец страны за новой бабой.

– Так как тебе нравится Сизтл? – продолжает мисс Токсон.

– Ну, прикольно, – отвечаю.

– Прикольно?

– В смысле, очень мило. Да, мило.

– Думаю, ты можешь ответить более распространенно. Наверное, наш город сильно отличается от Майями?

Черт, да конечно, отличается! Это просто небо и земля. Тут все какие-то примороженные.

– Ну да, – говорю.

– Встань и расскажи, пожалуйста, как ты жил в Майями. Думаю, всем будет интересно.

Я поднимаюсь со стула. Что рассказывать-то? Как я жил... Да ничего особенного: пил, курил и развлекался. И еще меня постоянно выгоняли из школ. За последние три года я сменил три школы. В год по штуке. Но мне сейчас надо что-то рассказать, что-то более информативное и менее личное, потому что иначе меня могут сразу зачмырить.

– Ну, в Майями весело, – говорю. – Там всегда как на вечеринке. пляж, солнце, песок, много огней. Много развлечений. Никто ни о чем не беспокоится...

– Ты занимался серфингом? – спрашивает Эшли Мэйси.

– Да, немного.

– Круто! – тянет она.

– Ладно, садись, Джеффри, – говорит мисс Токсон.

Наконец-то она отстала от меня. Я как-то совсем не горю желанием тут всем рассказывать про свою жизнь. Да и вообще, к чему эти понты? Типа познакомиться поближе? Глупости, я не хочу ни с кем знакомиться. А потом, в конце урока, учитель объявляет, что после школы весь класс идет в боулинг. Ну, все ясное дело от восторга свистят и начинают орать как резанные. А я думаю, все-таки придется знакомиться с этой компанией. Все-таки придется в нее вливаться, становиться частью этого коллектива. Вот уж радость-то!

4. Первый день

Мы в боулинге. Конечно, пришел не весь класс. Так всегда бывает, но большая часть здесь. Также тут мисс Токсон и мистер Тёрнер, учитель физкультуры. Ну, чтобы как-то уследить за всеми нами. Мы сразу расходимся по дорожкам. Я играю с Брэдом, Эшли и еще тремя парнями, Майком, Дерекком и Скоттом. Кажется, они все из одной компании. То есть, из компании Брэда и Эшли.

Кингсли кидает первым. Потом Эшли и парни. Я последний. Понятное дело, я же не кричал как сумасшедший, занимая очередь, и не неся к табло, спотыкаясь обо всех остальных.

– Ну что, Джеффри, – говорит Брэд, когда подходит моя очередь. – Покажешь, как играют в Майами?

Я молча беру шар. Зря этот придурок смеется. Я целый год работал в боулинге и уж играю-то лучше их всех. Я бросаю и выбиваю страйк. Сначала все молчат, но после третьего страйка им приходится все же признать, что я умею играть. Да еще мисс Токсон подходит, смотрит на табло и так восхищенно говорит:

– Посмотрите, а Джеффри-то у нас прямо чемпион! – и потом, повернувшись ко мне. – Здорово! Ты молодец!

Я пожимаю плечами.

Дерек и Майк очень скоро начинают подбадривать меня перед ударом, и Брэда это, конечно, бесит. Еще его ужасно бесит, что у меня уже двести очков, а он застрял где-то на ста семидесяти.

– А ты круто играешь! – говорит мне на ухо Эшли.

– А ты сомневалась? – отвечаю я.

И это, кажется, просто взрывает Брэда. А как же, он вдруг перестает быть звездой и центром всеобщего внимания.

Я выигрываю две партии с большим отрывом, оставляя Брэда довольствоваться вторым местом. И вот, во время третьей игры, когда уже понятно, что я снова выиграл, этот козел улучшает момент и толкает меня. Не сильно, но я спотыкаюсь и лечу прямо на дорожку.

– Джеффри! Что же ты такой неуклюжий! – кричит он, когда я уже пытаюсь подняться.

Черт, у меня все руки и одежда теперь вымазаны воском! Вот ублюдок! Я осторожно схожу со скользкой дорожки, вытираю ладони о джинсы и сразу набрасываюсь на Кингсли.

Я с разбега прижимаю его к стене, бью по лицу, потом мы валимся на пол. Я продолжаю бить его. Во мне такая злость кипит, что я готов этому Брэду просто башку проломить. Так бы, наверное, все и вышло, если бы меня ни оттащил мистер Тёрнер.

– Хватит, Шеридан! – ругается он. – Успокойся! Прекрати!

Он отводит меня в сторону, а мисс Токсон поднимает Кингсли и салфеткой вытирает кровь с его лица.

– Что это за выходки, Шеридан? – почти кричит мистер Тёрнер.

– Он толкнул меня!

– И за это ты его избил?

– Сам виноват. Он первый начал!

Тёрнер держит меня за рукав. Я одергиваю его.

– Ты придурок, Шеридан! – орет Кингсли, вытирая разбитый нос.

– Сам ты придурок! – отвечаю я.

Он срывается с места и направляется в мою сторону. Черт, он что мало получил! К счастью, Тёрнер останавливает Брэда. Слава богу, а то бы я точно вырубил этого козла. Не про-

шло и дня, а я уже нажил себе врага в классе. Впрочем, неудивительно. У меня почти всегда так. Просто я ненавижу уродов вроде Кингсли, а их в каждой школе – пруд пруди.

– Завтра перед уроками оба к директору, – строго заключает мистер Тёрнер. – А сейчас быстро собирайтесь и по домам.

Когда все уже переобулись, ко мне подходит Эшли. Она кладет руку мне на плечо и так вкрадчиво спрашивает:

– Джеффри, я сейчас еду на вечеринку к моей подруге. Поехали со мной?

Она так соблазнительно смотрит на меня, что отказываться было бы глупо. К тому же, Брэд с такой обидой и ненавистью возмущается.

– Мы же хотели поехать вместе! – заявляет он.

– Ну ты же проиграл, – смеется Эшли. – К тому же, у тебя все лицо разбито. Как же ты появишься там? Так ты едешь, Джефф?

– Конечно.

– Супер.

Мы ловим такси и сваливаем из этого скучного тупого боулинга, где нам нельзя ничего, кроме колы и апельсинового сока.

Мы приезжаем на вечеринку. Я успеваю выпить пару стаканов пива, пока Эшли здороваются и целуются со всеми. Потом она берет меня за руку и настойчиво тащит наверх. Мы поднимаемся по лестнице, входим в одну из спален. Эшли все это время молчит, но как только мы оказываемся наедине, она подходит ко мне почти вплотную и задирает майку. Я смотрю на ее обнаженную грудь и провожу языком по своей пересохшей нижней губе, как будто облизываясь.

– Ты можешь потрогать, – говорит Эшли.

Я касаюсь руками ее груди, и Мэйси снимает майку. Черт, у нее очень красивое тело, просто отпадное! Я тоже стягиваю футболку.

– Ты поцелуешь меня? – спрашивает она.

Я сразу же целую ее. Наши языки сплетаются. Я кусаю ее нижнюю губу, и Эшли вскрикивает.

– Я думал, ты встречаешься с Брэдом, – говорю, на секунду оторвавшись от ее губ.

– Поменьше думай, – смеется она.

Я стягиваю в нее трусики, и мы валимся на огромную кровать.

– У тебя есть презервативы? – спрашиваю.

– Да, – она тянется к сумочке.

– Отлично.

– Трахни меня, Джефф! – стонет Эшли.

– Ты просто шлюха.

– Но тебе же нравится? Ты же из Майами. Там все такие.

– Да.

– Ты такой грубый!

– Неужели?

– Да. Не останавливайся.

Она стонет. Потом я поднимаю ее и разворачиваю спиной.

– Нет! – протестует Эшли.

– Что нет?

– Я не хочу так.

– А я хочу!

– Нет.

– Какого черта!

– Я не знаю...

– Давай же, хватит ломаться!

Я плотно прижимаюсь к ней и целую в шею, оставляя на ее коже смачный засос. Потом я обхватываю обеими руками ее грудь и слегка кусаю плечо.

– Нет, Джефф, я так не хочу!

Я снова разворачиваю ее и толкаю на подушки.

– Тебе только так нравится? – спрашиваю.

– Трахни меня.

– Я трахну тебя.

– Черт! Давай!

После секса мы лежим на кровати. Ни хрена себе, первый день в школе, думаю. Я, кажется, сегодня все успел.

– Это было круто! – вздыхает Эшли, переворачивается и утыкается подбородком мне в грудь. – Я могу быть твоей девушкой, если хочешь.

– Не хочу.

– Почему?

– Потому!

– Ты классный. А я нравлюсь тебе?

– Типа того.

Она проводит пальцами по моей груди, по животу, потом по руке.

– Откуда у тебя это? – спрашивает она, имея в виду мои шрамы.

Странно, что она спросила. Обычно все считают крайне не вежливым и не приличным, задавать подобные вопросы. Особенно в первый день знакомства. Даже Пола меня ни разу не спрашивала, а эта, смотрите-ка, совсем обнаглела.

– Да так, – морщусь я.

Как будто я сейчас прямо так и начал ей рассказывать о себе! Секс не повод для душевных бесед, Эшли. Тем более, тебе на самом деле все это до лампочки. Тем более, ты просто шлюха.

– Это же от сигарет? – не унимается она. – Ожоги от сигарет, да ведь?

Ну какая же ты умная! Надо же, в первый день я подцепил такую догадливую сучку! Просто верх проницательности!

– Нет, – отвечаю.

– А от чего?

– Слушай, ты достала! Отвали! – я отталкиваю ее и иду в душ.

– Можно мне с тобой? – спрашивает она.

– Нет.

5. Я опять влип

На следующий день Брэд появляется в школе с фингалом под глазом. Перед уроками мы оба в сопровождении мисс Токсон идем к директору. И там мисс Мёрфи – так зовут директора – долго нас отчитывает.

– Он первый начал, – говорю я. – Он толкнул меня.

– Не толкал я! – возражает Кингсли. – Ты сам на меня набросился!

Вот урод! Ну ладно, дебил, попадись мне только! Ненавижу таких слабаков!

Короче, сначала директор читает нам лекцию, которую я почти не слушаю. Что-то про хорошее поведение и уважение к одноклассникам. Потом Брэда отсылают на уроки, а меня просят остаться. Когда Кингсли уходит, в кабинете появляется психолог. Ну вот, теперь их трое против меня. Теперь еще и психолог этот долбанный! И главное – тоже баба. Черт, в этой школе, по-моему, вообще, одни женщины – просто ужас какой-то! И вот она садится напротив меня и с таким понимающим и благостным выражением лица начинает говорить о том, что в их школе все относятся друг к другу доброжелательно.

– Мы понимаем, тебе нелегко вливаться в новый коллектив, Джефффри, – объясняет она. – Но ты должен проявлять уважение и терпение.

Да уж, научили бы своих учеников проявлять уважение! Этот Брэд просто урод! Сам толкнул меня, а теперь, значит, я у них виноват. Теперь, значит, они снова запишут меня в «трудные подростки». Знаю, так всегда бывает. В каждой школе одно и то же. Ничего нового. Никакого разнообразия. Чуть что – сразу называют тебя «трудным», сразу навешивают ярлыки. Ну и пусть! Мне, собственно, наплевать.

Директор еще что-то говорит, но я не очень-то слушаю. Я все это уже много раз слышал. Да подумаешь, набил морду какому-то придурку – тоже мне событие! Любят они из мухи слона делать. Он что, не мужик, сам разобраться не сможет! Дурацкая школа!

– Я надеюсь, – говорит мисс Мёрфи, – этого больше не повторится. Давай договоримся, что это было в первый и последний раз, Джефффри.

Я киваю. Договориться ей надо – что за бред! Если Кингсли еще полезет ко мне или хоть рот свой паршивый откроет, я из него всю душу вытрясу. Вот еще, договариваться с вами! Я никому не спускаю оскорблений.

В столовой я сажусь один. У меня тут пока нет друзей. Да мне не особенно хочется их заводить. Я как-то не привык задерживаться в одной школе больше чем на год, так уж получается. Минуты две спустя ко мне подсаживается Эшли Мэйси.

– Привет, Джефф.

– Привет.

– Клево было вчера. Может, повторим?

– Может, и повторим.

Вот шлюха! Как только ее дружку Брэду набили морду, она сразу от него убежала. Ведь наверняка же они трахались. Я на сто процентов уверен, что они были вместе с Кингсли. Все девчонки одинаковые. Да вообще все женщины одинаковые. Им только одного и надо – только бы потрахаться. Но зато они жутко обижаются, если их называешь шлюхами. А кто же вы! Кто же эта Мэйси, если в первый же день сама запрыгнула на меня! И так всегда. И в Майами так было. Сегодня она со мной, завтра – с другим, послезавтра – опять со мной.

Пока я разглядываю других девчонок в столовой, как будто совсем не обращая внимания на Эшли, напротив меня усаживается Брэд Кингсли.

– Сегодня после уроков, Шеридан, – бросает он. – На спортивной площадке за школой. Если не придешь, значит, ты трус.

Я только усмехаюсь в ответ. Он что, решил мне типа отомстить? Придурок!

– Тебе мало, Кингсли? – спрашиваю я.

– Смотри, как бы тебе много не показалось!

Ну, прямо напугал. Да, он меня жутко напугал! Просто курам на смех! Давай-давай, урод.

– Ты же понимаешь, что он не один придет? – говорит Эшли, когда Брэд уходит.

Из ее уст это звучит как вызов. Вроде как: «А сможешь ли ты справиться с четырьмя?» Понятно же, что она имеет в виду этих его подхалимов, Майка, Дерека и Скотта. Блин, неужели этому уроду и правда хватит мозгов притащить с собой свою свиту! Ну, это уж вообще будет просто полный триндец! Тоже мне мужик! И эта Мэйси, та еще дрянь, как заговорила. Подначивает меня еще. Да плевать я хотел! Пусть хоть полшколы с собой притащит!

Черт, я опять влип. Я опять влип в неприятности. Теперь-то уж точно они сообщат обо всем отцу, и он снова расстроится. Я не хочу разочаровывать его. Я стараюсь все делать правильно, но ведь он всегда учил меня не спускать оскорблений, он учил меня стоять за себя.

После уроков я прихожу на площадку. Ну да, тут уже собралась куча народа! Конечно, всем интересно. Кингсли стоит в центре, позади – его парни. Ну точно, они все вместе приперлись.

– Ты все-таки пришел, Шеридан! – бросает Брэд, когда я подхожу к нему.

– А ты, я смотрю, притащил своих подружек! Ты что же, как баба, всюду таскаешься со своей свитой? Один на один со мной выйти смелости не хватает? Что, в штаны наложил? Вчетвером на одного? Да пошел ты, я не дерусь с девчонками!

Я машу на него рукой и разворачиваюсь, чтобы уйти. Ну, это, правда, глупо. Да мне просто противно от одной мысли о том, чтобы я кого-то притащил с собой на разборку. Хочешь драться – дерись на равных. Ну и чмо этот Брэд Кингсли.

И тут из толпы раздается чей-то голос:

– Правда, Брэд, будь мужиком! Ты что один не уделаешь этого ублюдка!

И все тут же подхватывают. Я оборачиваюсь, чтобы рассмотреть, что за сволочь назвала меня «ублюдком». Если бы я только понял, кто это крикнул, я бы голову оторвал уроду! Черт, только второй день в этой долбанной школе, а они все меня уже так достали!

– Куда ты пошел, Шеридан? – окликает меня Кингсли. – Что, сбегаешь, поджав хвост? Один на один, говоришь? Давай! Так куда же ты?

Все, он задолбал меня! Я разворачиваюсь и налетаю на этого козла. Мы начинаем драться и очень скоро валимся на землю. Я так зол, что, кажется, просто убить готов засранца. Брэд бьет меня, но я сильнее, поэтому отталкиваю его, и вскоре Кингсли уже валяется на асфальте, держась за живот. Я подхожу и что есть сил пинаю его. Он стонет от боли.

– Не лезь ко мне, урод! – сквозь зубы говорю я и пинаю еще раз.

Толпа разочарованно гудит. Все начинают расходиться. Конечно, никому не нравится, когда в драке побеждает новенький. Им всегда хочется, чтобы новенького избили, унизили и опустили. А сейчас эти мальчики и девочки снисходительно смотрят на Брэда. Да, он уже не герой. Я уйду последним, оставляя Кингсли лежать на земле. Боковым зрением я замечаю, как к площадке приближается парочка учителей. Конечно, кто-то настучал. Кто-то рассказал про драку. Всегда находится какое-нибудь дерьмо, которое всех сдает. Ненавижу их! Я ускоряю шаг, а потом и вовсе бегу, пока за углом дома меня не останавливает Эшли Мэйси.

– Круто ты его уделал, – говорит она, слюнявит палец и вытирает кровь, выступившую у меня на левой брови.

Я морщусь.

– Ты же, вроде, с ним встречалась? – спрашиваю.

- С кем?
- С этим уродом Кингсли.
- Я не встречаюсь с неудачниками.
- Ну, вы трахались с ним или нет?
- Тебе так интересно?
- Это значит да?
- Да. Ну и что?
- Ты дешевка, Эшли!
- Да пошел ты! – она замахивается и хочет влечь мне пощечину.
- Я хватаю ее за руку.
- Даже не думай! – шиплю я.
- Ты грубый сукин сын.
- Как будто тебе это не нравится!
- Я крепко сжимаю ее руку и притягиваю Мэйси к себе.
- Отпусти! Больно! – стонет она.
- Я отпускаю ее, но Эшли не торопится уходить.
- У меня сегодня родители вернутся поздно, – говорит она. – Может, пойдем ко мне?
- Пойдем.

И мы идем домой к Эшли Мэйси. И мы трахаемся с ней в ее комнате. А потом она говорит:

- Хочешь, я буду твоей девушкой, Джефф?
- Ты же не даешь сзади, – отвечаю. – Да и минет не хочешь делать. Зачем мне такая девушка?
- Ты извращенец!
- А ты нет! Трахаться с первым встречным – это, конечно, не извращение. Нет, ты просто шлюха, Мэйси.
- Да пошел ты!
- Сама ты пошла!

Я быстро одеваюсь и ухожу. Вот ведь, тоже мне, строит из себя непонятно кого. Все они одинаковые!

6. Папа расстроен

Отцу, конечно, позвонили из школы, поэтому, когда я возвращаюсь домой, он уже ждет меня. Он явно не доволен моим поведением. И Пола тоже здесь. Видимо, она в курсе. Но ей-то что – она мне никто. На нее мне вообще наплевать. Папа, кажется, очень расстроен – вот это паршиво.

– Как в школе? – строго спрашивает он.

– Нормально.

– Нам позвонили, – вздыхает Пола. – Что ты натворил?

Чего она лезет! Еще не хватало, чтобы Пола меня воспитывала! Мы с отцом как-нибудь сами разберемся. В советах женщин мы точно не нуждаемся.

– Пойдем поговорим, сын, – папа указывает на заднюю дверь.

– Пойдем, – киваю я и иду за ним, опустив голову.

Как только мы оказываемся вдвоем на заднем дворе, отец закуривает.

– Ты всего два дня учишься в этой школе, – начинает он. – И уже успел с кем-то подраться. Как так получилось? Объясни!

И я рассказываю ему про этого придурка Кингсли, про то, как он толкнул меня в боулинге, а потом вызвал на эту драку. Я говорю, что он задирался и оскорблял меня. Папа только качает головой.

– Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь? – продолжает он.

– Но ты же сам говорил, что...

– Не перебивай! – повышает он голос. Я киваю, и отец продолжает. – Мы не успели еще обосноваться здесь, не успели как следует обжиться, завести друзей, а мне уже звонят из школы и говорят, что мой сын набил кому-то морду! Как, ты думаешь, я себя чувствую? Думаешь, мне приятно слышать такое? Джефф, послушай, я сто раз говорил тебе, если хочешь подраться с кем-нибудь, подерись, но избавь меня от всего этого! Решай свои проблемы сам. Если не в состоянии сделать так, чтобы о твоих разборках никто не узнал, значит, не начинай их. Сколько же мне тебя учить! Сколько раз повторять, я не хочу выслушивать всю эту грязь! Я не хочу, чтобы мне говорили, будто мой сын полное дерьмо! Ты же взрослый парень! Когда же перестанешь вести себя как ребенок?

– Мне жаль, что ты узнал. Прости, пап.

– Что значат твои извинения? Тебе жаль. Ты не представляешь, как мне жаль! Думаешь, мне нравится читать тебе морали? Думаешь, нравится наказывать тебя?

– Нет.

– Ну, когда же ты поймешь! Сколько мне тебя учить, сын?

– Я все понял. Извини, что тебе пришлось это выслушать. Такого больше не повторится. Обещаю. Я буду умнее. Я исправлюсь.

– Я очень надеюсь на это, Джефф.

Он гладит меня по голове. Потом еще некоторое время говорит, читает нотации, объясняет, почему я должен вести себя хорошо. Потом, как всегда, стандартная процедура. Отец любит меня. Он изо всех сил старается, чтобы у меня было все, что нужно. Он изо всех сил старается сделать из меня достойного мужчину. А я опять так подвел его.

– Я все понял, пап, – говорю. – Этого больше не повторится.

И я иду к себе в комнату. Сначала я захожу на кухню и беру из холодильника банку колы.

– Будешь есть, Джеффри? – спрашивает Пола.

– Нет.

– Возьми хотя бы сэндвич.

Она протягивает мне хлеб с ветчиной и листьями салата.

– Спасибо.

Я поднимаюсь к себе, быстро съедаю сэндвич, выпиваю колу и ложусь в кровать. Но буквально через несколько минут раздается стук в дверь.

– Кто там? – спрашиваю.

– Это я, Лиза.

– Что тебе надо?

– Хотела узнать, как ты.

– Нормально.

– Можно войти?

– Нет! Проваливай!

Мне совершенно не хочется никого видеть, а уж тем более эту ненормальную. Но она никак не уходит.

– Я хочу поговорить с тобой, Джеффри.

– Я сказал уходи!

– Пожалуйста, можно войти? – и она приоткрывает дверь.

– Нельзя! Я сплю! Свали, Лиза! Отстань!

– Я просто хотела сказать, чтобы ты не переживал...

– Я не переживаю!

Я закутываюсь в одеяло и отворачиваюсь к стенке. Скорей бы она ушла. Вот пристала!

– Переживаешь, – не унимается моя сводная сестра. – Я чувствую. Из-за разговора с твоим отцом...

– Ты-то что об этом знаешь!

– Ничего. Просто не расстраивайся. Этот Кингсли дурак.

– Лиза! – почти кричу я. – Уйди! Оставь меня в покое! Ты все равно ни хрена не понимаешь, так что не лезь! Вали к себе в комнату!

– Я думала, может, ты захочешь поговорить...

– Я не хочу! Да пошла ты!

И она, наконец, закрывает дверь. Ну почему эти девчонки ничего не понимают по хорошему! Ну почему их обязательно надо грубо послать, наорать на них! Неужели они, в самом деле, все такие тупые!

7. Нам просто нравится секс

Брэд не появляется в школе целую неделю. Видимо, я здорово вмочил этому говнюку. Ну и хорошо. Чем дольше его нет, тем лучше. Надеюсь, он понял, что со мной связываться не стоит. Эшли тоже ходит надутая, как будто я обидел ее или что-то такое. Тоже мне, оскорбленная невинность! Ну и пошла она! Не больно-то и хотелось.

На третий день я решаю подвалить к Софи Картье. Она уже просто съедает меня глазами. Ну понятно, чего она хочет. Надеюсь, она знает больше, чем эта Мэйси.

– Привет, Софи, – говорю я, подходя к ней так близко, что она буквально вжимается в стену.

– Привет. Ты Джефф?

– Да.

– Круто ты уложил Кингсли. Ненавижу его. Так задирает нос, что противно.

– Правда?

– Что правда?

– Ты так его ненавидишь? – я почти касаюсь ее губ своими.

– А что?

– Да ничего. А что ты любишь?

Она смеется, потом на ее лице застывает хитрая улыбка. Она такая же шлюха, как эта Эшли. Такая же шлюха, как все.

– А что любишь ты?

Ой, она еще дразнить меня будет. Вот дура!

– Я слышала, ты любишь сзади.

Ну конечно, эта сучка Мэйси уже всем растрепала.

– Я слышал, тут это не модно.

– Ну почему же?

Я вскидываю брови, разыгрывая удивление.

– Неужели?

– А ты времени зря терять не любишь, Джефф.

– Да. Что болтать без толку.

– У вас в Майами все такие крутые?

– В основном.

– А что если у меня есть парень?

Меня от этого вопроса бросает в настоящую истерику. Я смеюсь и никак не могу остановиться. Хорошо, что мы в довольно укромном месте, и никто не слышит. Парень! Нет, ну это уж совсем глупая фраза. Не понимаю, вообще, зачем она это сказала. Что за ерунда!

– Да мне насрать на твоего парня, – смеюсь. – Я же не замуж тебя зову.

– Ну да, ты просто хочешь заняться со мной сексом.

– Нет. Я просто хочу тебя трахнуть.

– Ты грубый, Джефф.

– И что?

Я беру ее за шею и целую. Ее язык сплетается с моим. Она очень страстная, эта Софи Картье.

– У тебя есть машина? – спрашивает она.

– Это не проблема.

И мы договариваемся вечером поехать за город на пустырь.

Да, в Сिएтле как-то телки слишком легко дают. На самом деле, это потому что я новенький. В этих тупых школах всегда так. Все хотят трахнуться с новеньким, пока он не нашел

себе кого-то постоянного. Но это не про меня. Мне на фиг не нужны все эти отношения. Тем более с такими дешевками как Эшли, Софи и кто там еще. Да все они, по сути, одинаковые.

Вечером мы с Софи едем на пустырь. Я беру машину у отца. Я говорю, что мне надо прокатить одну девчонку. Он спрашивает, кто она. Я отвечаю, что ничего серьезного, просто учится в параллельном классе.

– Хорошо, – соглашается, в итоге, папа. – Только не забудь предохраняться, сынок.

Я киваю, и он кидает мне ключи от своего «Форда».

– Спасибо.

– И не очень поздно.

– Окей.

Когда мы приезжаем с этой сучкой Картье на пустырь и останавливаемся, она даже ничего не спрашивает. Вернее, она говорит, что я очень сексуальный и невероятно ее возбуждаю, а потом делает мне минет. Сразу, без лишних прелюдий. Она дает как угодно, не то что эта дура Мэйси.

Несколько дней мы типа встречаемся с Софи. Это она так называет. На самом деле, мы просто трахаемся. Не понимаю, к чему все эти глупые эвфемизмы!

Как-то на перемене ко мне подходит Эшли Мэйси. Как раз в тот самый день, когда этот урод Кингсли возвращается. Брэд, ясное дело, не приближается ко мне. Он даже не смотрит в мою сторону. Ну и хорошо. Мне так только лучше.

Так вот, значит, Эшли подходит ко мне на перемене.

– Джефф, пойдем сегодня ко мне, – говорит она.

– Зачем?

– Я сделаю все, что ты захочешь, и как захочешь, – она загадочно улыбается.

На самом деле, это все, конечно, не потому, что я ей так уж нравлюсь. Она всего-навсего хочет поэкспериментировать. Ей просто нравится секс. Не то чтобы у меня заниженная самооценка – просто надо быть реалистом. Чего еще хотят девчонки в шестнадцать лет? Попробовать как можно больше. Это только моя сумасшедшая больная сводная сестра все несет чушь о любви, уважении и единстве. Ну, у нее крыша поехала – что с нее возьмешь.

На самом деле, мне наплевать на Эшли, как и на всех ее подружек, включая Картье. Но если уж она сама предлагает – отказываться было бы просто глупо.

8. Блог Эшли Мэйси

Через два дня ко мне в столовой подсаживается Кенди Рузвельт. Это та, с пирсингом по всему лицу.

– Неужели это правда? – тянет она так, как будто говорит о чем-то совершенно нереальном.

– Что? – резко спрашиваю я.

– Что новенькому из Майами удалось уговорить Эшли Мэйси поступиться своими принципами?

– О чем ты?

– О том, что Эшли теперь дает в попку.

Я не могу скрыть злой усмешки.

– И что?

– Ничего, – усмехается в ответ Кенди. – Ты просто герой, Шеридан. Можешь собой гордиться.

– Да иди ты!

– Правда, даже Кингсли не удалось. А он целый год вокруг нее ходил. А ты прямо только появился, и сразу такой успех. Да уж, крутой парень, ничего не скажешь.

Я слушаю ее и не могу уловить, что она имеет в виду. То есть, я не понимаю, говорит она с презрением или просто издевается. Эта Рузвельт всегда так себя ведет – не поймешь, что у нее на уме.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю.

– Про то, что Брэду не удалось?

– Про все, твою мать!

Она заливается тихим, но очень веселым хохотом.

– Да вся школа уже, наверное, знает, какой у нас учится парень, – она прикрывает рот ладонью, чтобы сдержать вырывающийся смех. – Эшли написала об этом в своем блоге.

– Дура!

Кенди снова хихикает и уходит.

Зашибись! Теперь, по ходу, все знают, как я трахаю Мэйси. Вот идиотка! Хотя, мне, по большому счету, наплевать. Пусть рассказывает хоть всем подряд, если мозгов нет.

К концу того же дня ко мне подходят Майк и Дерек. И так, знаете, как будто мы с ними друзья или вроде того, хлопают меня по плечу и приглашают прокатиться к Скотту – у него родители смотались куда-то. Я думаю, чего это они вдруг так захотели со мной дружить? Наверное, тоже блог Эшли читают.

– Ну поехали, – отвечаю.

А они рады – сил нет. И главное, Кингсли-то никто куда не зовет. Он теперь настоящий неудачник.

Короче, мы после школы едем к Скотту. Тут куча парней и какие-то девки. Эшли нет. Впрочем, мне наплевать. Я мало кого здесь знаю, но все подходят ко мне и знакомятся. Я, и вправду, теперь герой. Охренеть просто! И в один вечер у меня вдруг появляется куча друзей. Что на счет Эшли, то, ей, похоже, все равно. Она даже в какой-то мере гордится собой. Так что мы продолжаем «встречаться».

Через пару недель и Брэд начинает со мной разговаривать. Тоже так, знаете, осторожно и вежливо. Еще недели через две мы, вроде как, тусуемся с ним в одной компании. Он, похоже, не умеет быть один, бедняга. Только он теперь на вторых ролях. Ну да пошел он!

9. Трудные подростки

И вот мы с Майком, Дерек, Скоттом и этим придурком Брэдом, вроде как, уже приятели. Ну и с Эшли мы по-прежнему трахаемся. В общем, такая странная компания. Мне-то на них, понятное дело, наплевать. Хотят со мной общаться – так я не запрещаю. Расхотят – пусть идут к черту. Пока неплохо, ну и пусть будет так.

Мы тусуемся вместе, выпиваем, пацаны даже бывают иногда у меня дома. Они знакомятся с моим отцом. Папе, кажется, нравятся эти ребята. Правда, они иногда курят траву. Я не курю с ними, да и отцу об этом знать не обязательно. Помню, он как-то нашел у меня в кармане косяк. Ох, и шуму было! Как всегда, морали, нотации. В общем, стандартная процедура. Да, для него это совершенно не приемлемо. Сигареты – этого он мне не запрещает. Но наркотики, пусть даже трава, это у нас под запретом. В общем, я согласен с отцом, ничего хорошего из этого никогда не выходит. Так что, по части дунуть я пас.

Однажды после урока физкультуры в раздевалке парни начинают чмырить Лукаса Бэнкса. Он, правда, такой забитый урод, что с ним и делать-то больше нечего. Так вот, я задерживаюсь в зале, а Майк, Дерек и Скотт отнимают у этого лоха сумку и куда-то закидывают ее. В общем, к тому моменту, как появляюсь я, Бэнкс уже стоит на коленях, а пацаны его оскорбляют.

– Что вы с ним делаете? – спрашиваю.

– Да вот, надо бы просветить дебила, – смеется Дерек.

– Он, кажется, не знает, что такое минет! – ухмыляется Майк.

– Да неужели! – присоединяюсь я.

Мы стоим вокруг Лукаса и ржем. Каждый по очереди отпускает в его сторону какую-нибудь гадкую шутку. Скотт легонько толкает Бэнкса ногой. Потом то же самое делает Майк.

– Ты что не знаешь, что значит отсосать, придурок? – хохочет Дерек. – Мы можем научить тебя.

– Ты никогда не отсасывал мужикам, дебил? – поддерживает Майк.

– Да пошел ты! – сквозь слезы мямлит Бэнкс. – Да пошли вы все! Вы просто кретины!

Отстаньте от меня!

– Как ты нас назвал? – вступаю я. – Что это за слово ты сказал, урод?

– Кретины, – тихо повторяет Лукас. – Долбанные педики!

– Ты совсем охренел! – кричу я и толкаю его ногой в грудь. – Следи за базаром, дебил!

Меня просто из себя выводят его слова. Засранец, еще будет так меня называть! У меня уже глаза кровью наливаются.

Бэнкс падает на спину. Пока Дерек поднимает его, я прошу у Скотта закурить.

– Здесь? – удивляется он.

– Ну давай! Ты чего зассал!

Скотт протягивает мне сигарету. Я прикуриваю и делаю несколько затяжек, выпуская дым прямо в лицо Бэнксу. Потом я беру его руку и тяну ее ближе к себе.

– Как ты меня назвал?

– Никак, – шмыгает он носом.

Я беру сигарету двумя пальцами и подношу к его руке. Лукас начинает ныть и дергаться. Парни замирают и внимательно следят за мной. Как только горящая сигарета касается кожи Бэнкса, он начинает орать.

– Не кричи! – я сильно прижимаю окурок к его руке. – Заткнись!

Я отпускаю этого уroda, выбрасываю сигарету, толкаю Лукаса ногой.

– Если пожалуешься кому-нибудь, я тебе мозги вышибу, идиот! – шиплю я ему на ухо.

Мы с пацанами уходим.

– Ну ты псих, Джефф! – почти восхищенно восклицает Скотт, когда мы курим в школьном туалете.

Может, я и псих. Но всяким уродам точно надо следить за тем, что они говорят.

Однако эта история получает весьма неприятное продолжение на следующий день. Нас с парнями вызывают к директору с первого урока. А Бэнкса и не было еще в школе.

– Что произошло вчера в раздевалке между вами и Лукасом Бэнксом? – строго спрашивает мисс Мёрфи.

Мы переглядываемся. Вот урод! Все-таки настучал на нас! Я же его разорву на фиг!

– Да ничего, – отвечает Майк и даже бровью не ведет.

Мы стоим, все вчетвером перед директором, и она рассказывает нам, что школьный уборщик мистер Трэвис, слышал и видел, как мы склоняли Бэнкса к действиям сексуального характера против его воли. Нет, это же только подумать! Откуда этот алкаш такое придумал, с чего он это взял! Да что он, вообще, мог слышать! И уж тем более видеть! По его словам выходит, что мы принуждали Бэнкса к оральному сексу. Охренеть! То есть, он услышал слова «минет» и «отсосать» и сделал вот такой незамысловатый вывод! Ну и кто в этой долбанной школе идиот?

И мы теперь получаемся прямо чуть ли ни насильниками. Да еще и педиками! Короче, полный капец!

– Да кому вы верите! – возмущаюсь я. – Этому умственно отсталому уборщику?! Да что он мог видеть! Чушь какая-то!

– А с тобой, Шеридан, у меня отдельный разговор, – сообщает мисс Мёрфи.

Потом она еще минут двадцать читает нам всем лекцию о хорошем поведении и отпускает пацанов. Она просит их завтра явиться с родителями. Парни уходят, а я остаюсь. Ну да, у нее же ко мне «отдельный разговор». Куда уж там! Я же корень мирового зла.

– Я до сих пор не позвонила твоим родителям, Джеффри, – начинает она, – только лишь потому, что все-таки надеюсь на твое благоразумие и раскаяние. Я надеюсь, ты сам сообщишь родителям, и я увижу одного из них завтра у себя.

Интересно, зачем она все время говорит «родители»? Зачем она говорит так, как будто эта Пола мне мать родная? Все же прекрасно знают, что у меня кроме отца никого нет. И вот тогда зачем мисс Мёрфи все время говорит «родители»? Что она хочет этим сказать?

Я стою, опустив глаза.

– Также я настаиваю на том, чтобы ты сегодня же поговорил с нашим психологом мисс Роарк, – продолжает директор. – Сегодня после уроков прошу тебя зайти к ней в кабинет.

Ну, понятно, думаю, это уже Бэнкс наплел про сигарету. Ну и ожог у него остался, конечно. Все, теперь начнется. Как же я ненавижу этих психологов! Все они одинаковые, задают одинаковые вопросы, получают одинаковые ответы, делают одинаковые выводы. Каждый раз одно и то же. Трудный подросток, немотивированная агрессия, неконтролируемые вспышки гнева, жестокость. Кажется, я что-то забыл... Такие бестолковые диагнозы, что я и не считаю нужным их помнить. Ну, хорошо, директор Мёрфи, к психологу так к психологу. Я утвердительно киваю головой, после чего отправляюсь на уроки.

В дверях кабинета мисс Роарк я сталкиваюсь с Кенди Рузвельт. Она как раз выходит. Ну да, наверняка она тоже «трудный подросток», у нее же столько всякого дерьма на лице! Весь этот пирсинг! К чему он ей, вообще?

– Надо же, – усмехается она, когда видит меня, – у нас все же есть что-то общее.

Не думаю. Она-то наверняка попала сюда за курение травки или за пьяный дебош в каком-нибудь рок-клубе. Но к черту Кенди! Я захожу в кабинет и сажусь напротив мисс Роарк.

– Зачем ты сделал это, Джеффри? – спрашивает она после продолжительной вступительной части, которая у всех психологов абсолютно одинаковая.

Хотя мисс Роарк довольно сексуальная, я бы не хотел ее трахнуть. У нее длинные светлые волосы, собранные в хвост, хорошая фигура и большая грудь. Она еще не очень старая. Ей, наверное, лет сорок. Или около того. Но я бы не стал ее трахать. Думаю, она бы мне весь мозг вынесла своим психоанализом. У мисс Роарк, судя по кольцу на пальце, есть муж. Но все равно она дешевка, как и все женщины. Особенно женщины психологи. Я знал одну проститутку, так она в прошлом тоже была психологом.

– Зачем ты сделал это, Джеффри? – повторяет мисс Роарк.

– Что сделал?

– Прижег Лукаса сигаретой. Ты думаешь, это смешно?

– С чего вы взяли, что это я?

– Покажи свои руки, Джеффри!

Мне хочется послать ее подальше. Мне хочется наглубить ей и послать к черту, но я разворачиваю руки ладонями вверх и протягиваю мисс Роарк. Конечно, она сразу видит мои шрамы. И надо быть уж совсем тупой, чтобы не догадаться, от чего они получены. Ну и что теперь?

– Это ожоги от сигарет? – спрашивает она.

– Я не понял, это вопрос?

– Да.

– Да.

– Что да?

– Да – это ответ.

Повисает пауза. Впрочем, недолгая. Психологи, они же любят поговорить.

– Тебя с шести лет воспитывает отец, так?

– Ну.

– Какие у вас с ним отношения?

– Прекрасные.

– Откуда у тебя эти ожоги, Джеффри?

– От сигарет. Вы не поняли?

– Кто это делает с тобой?

Я молчу.

– Это твой отец?

– Нет.

– Тогда кто? Мне ты можешь сказать. Никто ничего не узнает. Ты можешь довериться мне, Джеффри.

Как же меня бесят эти тупые разговоры! Я молчу. Даже отвечать не хочется на эти стандартные фуфловые вопросы. И она продолжает.

– Что с тобой творится? Что происходит? Мы все волнуемся за тебя, Джеффри.

Я молча смотрю на чернильное пятно на столе.

– У тебя период адаптации. Я понимаю, но если тебе нужна помощь, ты всегда можешь обратиться к нам. Ко мне или к директору Мёрфи. Ты знаешь об этом? Мы на твоей стороне в любом случае.

Ага, особенно в этом случае вы как раз все на моей стороне. Не смешите меня!

– Ты ведь знаешь это? – как бы уточняет мисс Роарк.

– Угу. Только мне не нужна помощь.

– Кто это сделал? – она указывает на мои руки.

Она сейчас намекает на моего отца, и меня это ужасно бесит. Все, она меня окончательно достала!

- Никто! – огрызаюсь я.
- Что значит никто? Такие отметины сами не появляются.
- Я сам. Я это сделал! Что вам еще надо?!
- Ты сам? – она от удивления чуть на стуле не подпрыгивает. И так всегда бывает.

С каждым психологом. – Но почему?

- Потому!
- Джеффри! Ты сейчас говоришь правду? Ты не врешь мне?
- Да! – повышаю я голос. – Я сам это сделал! Черт, мне это нравится! Я просто кайфую.

Да, я люблю боль и поэтому делаю это! Я даже могу порезать себя. Хотите?

- Не надо. Прошу, успокойся, Джеффри.
- Да я спокоен. Хотите, я сделаю это прямо тут? У вас есть сигарета?
- Перестань, пожалуйста!
- Хватит меня расспрашивать!

Тупые разговоры. Я просто издеваюсь над этой мисс Роарк, а она испугалась, вытянулась в струнку. Еще бы, перед ней вдруг оказался настоящий извращенец-мазохист. Кто знает, что он еще выкинет. Она, наверное, сейчас размышляет, насколько я опасен для окружающих. Опасен-опасен! По крайней мере, все, кто беседовал со мной до вас, именно так и считали.

- Я хочу поговорить с твоими родителями, – наконец заключает она.
- У меня только один родитель.
- У тебя есть еще мачеха.
- И что?
- Я хочу побеседовать с твоим отцом.
- Ну так и надо было говорить. Я могу уже идти?
- Да.

10. Стандартная процедура

Я думаю, если отец узнает про всю эту дебильную историю с сексуальным домогательством Лукаса Бэнкса, он очень расстроится. Больше всего на свете он ненавидит педиков. Да и я их ненавижу. Папа всегда старался уберечь меня от всего этого дерьма. И теперь, когда ему выложат историю про «принуждение к оральному сексу», это разобьет ему сердце. Конечно, все это чушь, но он будет просто раздавлен. Я-то его знаю. Я не хочу его расстраивать, поэтому после школы я подхожу к Поле.

– Можно попросить тебя кое о чем? – спрашиваю.

– Конечно, Джеффри. В чем дело?

– Да там в школе... В общем, я кое-что натворил и не хотел бы расстраивать папу. Но надо, чтобы кто-то пришел к директору. Может, ты могла бы сходить завтра?

– Что ты натворил?

– Да ничего особенного. Все, что они говорят, вообще, не правда. Но папу это убьет. Давай, ты сходишь и скажешь, что он не смог из-за работы?

– Ну, хорошо.

– Спасибо, Пола.

Если честно, я не очень-то верю в то, что Пола будет много чего обо мне говорить. Ну, так, думаю, поругают немного. Она же все-таки не мать мне. Но напрасно я так. Я очень сильно недооценил заботу директора и психолога обо мне. Они в подробностях выложили все Поле. И про сексуальное домогательство, и про сигарету, и про все мои прошлые драки и стычки, и про жестокость, и про неуважение. В общем, все до последней капли на нее вылили. И ей, видимо, так невыносимо стало, что она выложила все моему отцу. Вот сука! Ну зачем тогда я просил ее пойти вместо него в школу! Ненавижу ее!

Я весь вечер провожу у Эшли Мэйси. Ее родители работают допоздна. И вот, когда я возвращаюсь к себе, папа и Пола уже ждут меня. И оба такие обеспокоенные и злые.

– Как тебе такое в голову пришло?! – начинает возмущаться Пола, едва я переступаю порог.

Я смотрю на папу и понимаю, что он все знает.

– Спасибо! – говорю. – Пола, ты такая понимающая и милая, просто слов нет! Спасибо! Ты все отлично сделала!

– Не паясничай, Джефф! – отрезает отец, и я замолкаю.

Я стою, виновато опустив голову, а Пола еще несколько минут что-то говорит. Она бы распиналась, наверное, до следующего утра, если бы папа ее не заткнул.

– Ладно, хватит уже! – говорит он ей и потом обращается ко мне. – Мы сами разберемся. Пойдем, поговорим, сын.

Отец отправляет Полу накрывать ужин, и мы с ним выходим на задний двор.

Я смотрю на него и понимаю, насколько он зол и расстроен. Даже не знаю, что сейчас будет. Я даже думаю, возможно, стандартной процедурой мне в этот раз не отделаться.

– Ты что, правда, домогался этого парня? – начинает он.

– Нет, пап! Это глупости! Как ты мог такое подумать!

– Не важно, что я думаю, Джефф! Важно, что теперь думают о тебе в школе. Они говорят, что ты какой-то сраный гей или типа того. Ты думаешь, мне приятно такое слушать?! Сколько же мне учить тебя! Сколько объяснять!

– Это не правда, пап...

– Не перебивай! Молчи, когда я говорю с тобой! – он закуривает. – Я всю жизнь пытаюсь сделать из тебя мужика. Я стараюсь изо всех сил, но ты ничего не понимаешь! Мало того, что ты выставил себя в таком ужасном свете, так ты еще попытался от меня это скрыть!

Зачем, Джефф? Ну зачем?! Если тебе нечего скрывать, если ты честен, то зачем ты пошел к Поле?! Ты что, боишься меня?

– Нет, – не поднимая глаз, отвечаю я.

– Так почему? Ты думаешь, я тебя не пойму? Я когда-нибудь желал тебе зла?

– Нет.

– Что это еще за выходки с сигаретой?! Чего ты хотел этим добиться?!

– Ничего, пап. Правда. Клянусь. Я просто проучить хотел этого урода Бэнкса. Он оскорбил меня, и я не сдержался.

– Ты мог бы ударить его, но ты выкинул этот финт с сигаретой! К чему это было?!

– Ни к чему. Пап, я, правда, ничего не хотел. Я не думал, что кто-то, вообще, узнает...

– Не ври мне.

– Я не вру.

– Не ври мне!

– Я не вру. Клянусь.

Он протягивает ладонь. Это стандартная процедура. Он ждет, чтобы я вытянул свою руку.

– Пап, прости меня. Этого больше не повторится.

Он настойчиво трясет рукой, и я протягиваю свою ладонью вверх. Отец берет меня за запястье.

– Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, Джефф? – говорит он.

– Знаю.

– Ты знаешь, как больно мне наказывать тебя?

– Угу.

– Ты говорил с психологом?

– Угу.

– Говорил? Отвечай нормально, когда я спрашиваю! Не мнись как баба!

– Да.

– И что она тебя спрашивала?

– Спрашивала, зачем я это сделал.

– И все?

– Спрашивала, откуда ожоги.

– И что ты сказал?

– Сказал, что я сам.

– И она поверила?

– Да. Пап, пожалуйста, не надо! Пап, я все понял. Я не буду больше. Я...

– Тебя считают педиком!

– Это не так.

– Они так тебя называли! Ты понимаешь, как это унижительно для меня! А для тебя?

– Для меня тоже. Но это не так. Я ничего такого не делал. Даже не имел в виду. Это же...

Он стряхивает пепел с сигареты и крепче сжимает мое запястье.

– Пап, я все понял. Больше такого никогда не будет. Я буду умнее. Прости меня. Я не хотел тебя расстраивать, – я говорю очень быстро, стараясь не думать о тлеющей в его руке сигарете.

– Почему ты никогда не понимаешь ничего с первого раза, сын!

– Я понял, пап.

– Почему ты всегда споришь со мной! Почему заставляешь краснеть и выслушивать все это дерьмо!

– Прости.

– Мне очень жаль, но ты сам виноват, Джефф, – и он тушит сигарету о мою руку.

Я зажмуриваю глаза и сжимаю зубы от боли. Но я не кричу. Я не издаю ни звука. Нельзя. Это еще больше расстроит его. К тому же, за столько лет я неплохо научился терпеть боль. Я, кажется, даже привык к ней. Подумаешь, еще одна сигарета. Если бы я был умнее, их было бы меньше, но я ничего не понимаю с первого раза. Я ничего не понимаю по-хорошему.

Как только горящий окурочек касается кожи, боль сразу очень сильная. Потом папа прижимает сигарету, чтобы она скорее потухла. Потом боль проходит. Потом уже можно разжать зубы и глубоко дышать. Отец стряхивает остатки пепла с моей руки, и я снова морщусь от боли. Я не смотрю на ожог – так проще. Когда не видишь, что именно происходит, всегда немного проще. Но отец этого не любит. Он снова закуривает и берет меня за вторую руку.

– Пап, – тихо прошу я. – Не надо! Я все понял.

– Я люблю тебя, сынок, – он затягивается. – Я не хочу, чтобы ты вырос грязным извращенцем, – еще затяжка. – Я стараюсь, как могу, но ты все время меня расстраиваешь. Почему же ты не понимаешь!

– Я понимаю, пап. Я...

– Не отворачивайся! Я не хочу делать тебе больно, но иначе ты не поймешь. Не отворачивайся! Смотри сюда!

Я смотрю на свою руку. Отец подносит сигарету и оставляет у меня на коже еще один ожог. Я вижу, как идет дым. Я зажмуриваюсь и снова сжимаю зубы – только бы не застонать. Я сдерживаюсь. Секунда, другая, и боль притупляется. Еще пара секунд, и я могу выдохнуть. Я могу глубоко дышать.

– Теперь иди к себе, – говорит папа. – Подумай над своим поведением.

Я киваю, вхожу в дом и быстро поднимаюсь к себе. Отец входит следом за мной. Я слышу, как он говорит Поле, что я не буду ужинать. Она ничего не отвечает, наверное, только кивает головой.

На лестнице я сталкиваюсь с Лизой.

– Джеффри, ты разве не будешь с нами ужинать? – удивляется она.

– Нет.

– Что с тобой?

– Отвали!

11. Во вселенной не должно быть боли

Я лежу в кровати, уткнувшись в подушку. Уже поздно. Думаю, все спят. Вдруг кто-то стучит в дверь моей комнаты. Я не отвечаю. Кто бы там ни был, пусть думает, что я сплю. Стук повторяется более настойчиво. Я молчу и сильнее утыкаюсь в подушку.

– Можно войти? – это Лиза.

Я молчу. Вечно она припрется не во время! Пусть валит!

– Я же знаю, что ты не спишь, – не унимается она и осторожно приоткрывает дверь. – Джеффри?

– Иди к черту!

– Я же говорила, что не спишь.

– Оставь меня в покое! – я укрываюсь с головой.

– Тебе плохо? – она садится на край кровати.

– Нет! Мне хорошо, – говорю я, не вылезая из-под одеяла.

– Мне очень жаль, что тебе так больно. Я бы хотела как-то помочь...

– Слушай! – я высовываю голову. – Убирайся на хрен из моей комнаты! Вали! Отстань от меня! И нет – мне не больно! С чего ты взяла!

– Больно, – спокойно продолжает она. – Я же чувствую. Он наказал тебя за то, что ты сделал?

– Кто?

– Твой отец.

– Лиза, отвали!

– Джеффри, ну не будь же ты таким упрямым и глупым! Я хочу тебе помочь...

– Мне не нужна твоя помощь! Ни твоя, ни чья-либо еще! Я в порядке.

– Я не верю тому, что говорят про тебя в школе.

– Молодец! Теперь всё? Можешь убраться отсюда?

– Да хватит уже! – она повышает голос. – Я предлагаю тебе помощь и дружбу! У тебя что, так много друзей, что ты отказываешься?

– Мне не нужна твоя дружба, Лиза! – я приподнимаюсь на локтях и смотрю ей в глаза.

– Значит, мне твоя нужна.

– О чем ты?

– Ты ничего не понимаешь, – вздыхает моя ненормальная сводная сестра. – Ты так отчаянно стараешься спрятаться, что сам уже не видишь себя. Ты ничего не видишь вокруг! Ты окружил себя такой стеной, что и сам не можешь выбраться. Но и мир тебя не видит в таком случае. Даже я не вижу.

Вот, начинается этот ее сумасшедший бред! Как же она достала меня!

– Ты что, слепая?!

– Я хочу помочь тебе, Джеффри. Ты очень хороший человек. Я чувствую, какой в тебе свет, но ты прячешь его. Так далеко, что не разглядеть.

– Свет? – передергиваю я.

Если она сейчас опять заведет свою пластинку про вселенную, любовь и прочую подобную хрень, я не выдержу. И она заводит – прямо как по заказу!

– Во вселенной не должно быть боли, понимаешь? – она берет меня за руку.

Я пытаюсь вырваться, но она просит, чтобы я не сопротивлялся.

– Ты так напряжен, как будто всегда в состоянии войны, – говорит она. – Но так ничего не получится. Так ты только разрушаешь все вокруг.

Лиза сжимает мою ладонь. Я смотрю на ее лицо и чувствую тепло. Какое-то странное тепло. Она сжимает мою руку, и мне как будто становится легче. Нет, как будто что-то сдав-

ливает в груди, как будто что-то уходит из меня. Это пугает. Черт, моя сумасшедшая сводная сестра не на шутку пугает меня. Я вырываю руку.

– Что за фигня! – возмущаюсь.

– Он делает тебе очень больно, твой отец. Он забирает всю твою любовь. У тебя совсем ничего не остается...

– Ты ни хрена про него не знаешь, так что молчи!

– Ты очень хороший, Джеффри. Только он не позволяет тебе это почувствовать.

– А ты больная! Отвали от меня! Убирайся на хрен отсюда! Дай мне поспать!

– Ты не можешь меня обидеть, – тихо произносит она, вставая и подходя к двери. – Хотя очень хочешь этого. Мы все части единого целого. Ты не поймешь сейчас, но это так. Поэтому ты не можешь причинить мне боль.

– Лиза! – я уже практически умоляю ее. – Уйди же ты наконец! Отстань от меня со своим бредом!

И она уходит. Она только говорит, что, если я захочу, то в любое время могу рассчитывать на ее помощь. Нет, она, в самом деле, ненормальная. И главное, теперь я полночи не могу уснуть, потому что весь этот ее бред крутится у меня в мыслях. Я и не понимаю даже, что она имеет в виду, но никак не могу выкинуть ее слова из головы. Когда она взяла меня за руку, мне вдруг показалось, что Лиза хочет что-то у меня забрать, что-то, что я прячу очень далеко. Это глупо, но я почувствовал нечто подобное. Я испугался. Я ее вообще боюсь. И откуда у нее все эти странные мысли! И ведь она же делает вид, как будто все знает. Как начнет иногда рассуждать про космос, какие-то законы вселенной – просто ужас! Не зря же ее считают ненормальной в школе. И чего она постоянно ко мне лезет! Говорит, что хочет помочь, что я хороший. Вот, теперь свет какой-то! И про отца еще разговор завела! Да что она, вообще, знает!

12. Все одинаковые

– Кем ты оденешься на Хэллоуин? – спрашивает Лиза.

Опять она ко мне лезет со своими вопросами!

– Никем! – отвечаю. – Я не собираюсь как дурак расхаживать в идиотском костюме!

– По-твоему получается, что все вокруг дураки, ведь все же надевают костюмы?

– Значит, дураки.

Она пожимает плечами и уходит к себе.

Да и зачем мне костюм. Меня пригласили на какую-то вечеринку. Там будут пацаны, Майк, Скотт и Дерек, ну и еще куча народа. Никто не собирается наряжаться. Все собираются выпить и подцепить каких-нибудь телок. Хотя, не знаю, мне, вроде как, придется же идти с Эшли. Но она говорила, что уезжает к тетке, так что, может, повезет, если она и вправду свалит из города. Так все и выходит. Получается, что на Хэллоуин я совершенно свободен. Круто!

И вот, мы приходим к этому пацану – не помню, как его зовут, ну, у которого дома вечеринка. И правда, почти никого нет в костюмах. За исключением кроликов из «Playboy», чертей с рожками и ангелов в коротких юбках.

Мы пьем пиво, ржем, курим. Развлекаемся, одним словом.

– Ну что, ты собираешься сегодня подцепить кого-нибудь, Джефф? – спрашивает Скотт.

– Ну да, – отвечаю. – Конечно.

– А как же Мэйси? – вступает в разговор Майк.

– Кто? – я разыгрываю удивление. – Сегодня ее тут нет. Значит, сегодня ее вообще нет.

К тому же, она просто дешевка.

– У тебя все шлюхи и дешевки, Шеридан! – подхватывает Дерек.

– А что, ты не согласен?

– Не знаю, – тянет он. – Так уж и все?

– Да все, поверь. Все одинаковые. Всем только и надо, что трахнуть. Я сначала думал, у вас тут по-другому, но теперь вижу, так же как в Майами.

– Да ладно, Джефф! – говорит Майк. – Вон, твоя сестра, например, она тоже, по-твоему выходит, шлюха?

– Она мне не сестра!

– Ну, сводная. Короче, Лиза Бутман. Тоже что ли дешевка? Она же не дает никому!

– Да на нее и не смотрит никто, – смеюсь я. – Нет, она не шлюха. Она просто сумасшедшая и больная на всю голову.

– Это точно! И как ты с ней живешь в одном доме!

– Да она меня достала своими тупыми разговорами! Говорю же, сумасшедшая.

На самом деле, Лиза постоянно достает меня еще и тем, что просит показать мои рисунки – просто прохода не дает! Но парням про это мое увлечение знать не обязательно. Не мужское это занятие.

Мы заливаемся громким смехом, а потом Скотт указывает в дальний угол комнаты, где весьма эротично танцует какая-то девчонка.

– Знаешь ее? – спрашивает Скотт.

– Не-а, – мотаю я головой.

– Вот ты ее не знаешь, Джефф, – продолжает он. – Она тоже шлюха?

– Слушай, ты достал меня! Посмотри, как она танцует! У тебя еще вопросы и сомнения остаются?

– Ну, тогда давай, закрой ее!

– Точно! – подхватывает Дерек. – Заклей ее и приезжайте потом в тот мотель за городом. Ну, помнишь, где мы на прошлой неделе были с телками?

– И что? – усмехаюсь я.

– Ну а мы там вас подождем, – улыбается Майк. – Думаешь, она всем нам даст?

– Думаю, даст.

– Ну, тогда давай, действуй, а мы поехали. Только не долго тут!

Мы смеемся и расходимся. С этой девкой проблеет не будет, думаю я. Она уже так извивается, что на все готова.

Я ставлю недопитый стакан на стол и подхожу к ней сзади. Я целую ее, слегка прикусывая шею, и обнимаю так, что мои руки как раз оказываются у нее на груди.

– Со мной потанцуешь? – спрашиваю.

Она оглядывается через плечо, видит меня и улыбается, как будто только этого вопроса и ждала. Она плотно прижимается ко мне и покачивает бедрами в такт музыки. Спорю, она уже чувствует, как я возбужден. Мои руки спускаются на ее живот, потом скользят ниже. Я сильно прижимаю ее к себе. Она оборачивается и обнимает меня за талию.

– Как тебя зовут? – спрашивает она.

– Джефф.

– Я Келли. Хочешь меня? – ее руки уже у меня на заднице.

– Хочу. Поехали отсюда.

– Куда?

– Тебе не все равно?

– Поехали.

Мы садимся в машину Скотта и едем в мотель. Мы пьяные, но, надеюсь, копы не спалят нас. Да и ехать тут не так далеко. К тому же, вожу я отлично даже в таком состоянии.

Я за рулем. Келли кладет руку мне между ног, гладит меня, потом расстегивает молнию на джинсах.

– Ты такой горячий, Джефф!

– Черт, мне надо вести машину.

– Ну так веди.

– Давай хотя бы доедем.

– Я очень возбуждена. Я очень хочу тебя.

– Черт! Да погоди ты! – я легонько отталкиваю ее.

Просто если так будет продолжаться, мы точно никуда не доедем. Если она будет так продолжать, мы точно улетим в кювет.

– Так куда ты меня везешь? – спрашивает она, не убирая руку с расстегнутой молнии.

– К ребятам.

– Там будет еще кто-то?

– Ты против, детка?

– Нет. А сколько?

– Это важно?

– Ну, знаешь ли...

– Ну, знаешь ли, надо было раньше думать! Теперь-то уж поехала. Назад дороги нет, сучка.

– Ты грубый.

– Да.

– Твои друзья такие же крутые как ты?

– Нет. Я самый крутой.

– Класс.

– Все, приехали.

Мы выходим из машины и быстро направляемся к номеру, который должны были снять парни. Они уже тут, бухают пиво и ржут. Мы заходим, и я сразу же снимаю с этой девки блузку и стягиваю джинсы. Я легонько толкаю ее на кровать. Она тихо постанывает.

– Ты не сказал, что вас так много, – говорит она.

– Ну, давай уже! – подгоняю я. – В машине тебя это не волновало.

Я снимаю джинсы.

Она сначала делает мне минет, потом я трахаю ее. Но не долго, я быстро кончаю, одеваюсь и отхожу в сторону. Мое место занимает Майк. После Майка очередь Дерека.

– Всё, – говорит Келли. – Хватит!

Но никто ее не слушает. Дерек подходит, расстегивает молнию на брюках, разворачивает Келли спиной к себе.

Я стою, облокотившись о стену, и молча наблюдаю.

– Подожди! – просит Келли. – Помедленнее!

Но Дереку наплевать. Он заряжает ей по полной программе. Теперь Скотт.

– Какие же вы уроды! – вздыхает Келли, когда они заканчивают со Скоттом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.